

Словотворчество как в педагогических, так и в литературных этнических актах (на черкесском примере)

Хуако Фатимет Нальбиевна, доктор филологических наук, профессор

В данной статье Ф.Н. Хуако рассматривает и теоретические, и реальные возможности проявления процесса словотворчества на национальной (в частности, черкесской) ниве. Подкрепляется такой анализ и мнениями теоретиков (и литературы, и этнологии), и сведениями из фактов этнической истории черкесов. Рассмотрение материала позволяет сделать выводы о мобильности и прочности имеющихся в этническом бытии воспитательной и художественной ветвей словотворческого древа.

Ключевые слова: словотворчество, аталыческое воспитание, литература, черкесская культура

Khuako Fatimet Nalbievna, Doctor of Philology, Professor
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Maykop State Technological University»

In this article, F.N. Khuako examines both theoretical and real possibilities of manifestation of the word-creation process in the national (in particular, Circassian) field. This analysis is supported by the opinions of theorists (both literature and ethnology) and information from the facts of the ethical history of the Circassians. Consideration of the material allows us to draw conclusions about the mobility and strength of the educational and artistic branches of the word-creation tree available in ethnic life.

Keywords: word-creation, atalic education, literature, Circassian culture

DOI: 10.5281/zenodo.4749574

Цивилизационная составляющая в большом числе этнических культур нередко и в значительной степени определяется территориальным фактором. Граждане Римской империи умели разграничивать географически собственные земли с иностранными рубежами. По сути, существовало соответствующее эмоциональное понимание, когда находившийся вне родной страны посторонний ареал нес на себе печать агрессивного негатива. Географические просторы, трактуемые как территориальный компонент, вообще традиционно признаются стержневым фактором в этно- науках. Причем эта линия имела место еще в советской науке прошлого века. В таком контексте можно привести в качестве аргумента монографическую работу признанного этнографа первой половины двадцатого века. Павла Кушнера (Кнышева) «Этнические территории и этнические границы», докторская диссертация которого также полностью соответствовала теме этнических пространств и географических рубежей. При этом, казалось бы, чисто физически- значимые земли приобретают некий ценностный смысл. Как утверждает по этому поводу современный черкесский социолог Айтеч Хагуров, «Возвращаясь из похода, римлянин должен был очиститься от бешеного неистовства, владевшего им на войне. Для этого воины проходили под специальной аркой. Кроме того, очистительный смысл имели изначально все триумфальные арки и ворота, через которые армия входила в город» [1: 86]. То есть возвращение из иных, чужих для воина, земель оказывалось просто физически опасно и для него самого, и для его соотечественников.

Аналогичная опасность порой присутствует и в такой (казалось бы, духовной) ветви словотворчества, как педагогика. Применяемые нацией интеллект-

альные и методические сведения обычно расположены в прочной зависимости от присущей этносу реальной идеологии, морально-ценностной доминанты, от его технологических, стратегических, географических и прочих научно-тактических разработок. Воспитательное воздействие на растущего индивида выступает строгим требованием и неизменной гарантией прогрессивного развития любого действующего социума. В частности, применительно к анализируемому нами иногда, распространенному в прежние века на Кавказе, черкесскому аталычеству, ситуация такова.

В случае появления на свет ребенка дворянского происхождения в соседнем с Черкесией государстве об этом давали знать представителю высшего этнического общества, что происходило посредством усилий соответствующего посла. Причем сопровождалась такая информация вожливым прошением принять под опеку и на обучение младенца в черкесскую семью. В момент прибытия указанного посла мгновенно собиралось национальное заседание старшин (так называемое «адыгэ хасэ»), обсуждавшее кандидатуры, подходящие для исполнения воспитательной миссии, ответственность за которую несла в лице старшин нация. Вычисляли для этого из числа своих соплеменников мудрого наставника и, кроме того, кормящую женщину. Им патетично, на возвышенных тонах, сообщали о существенном духовно-социальном смысле достойной функции, присуждаемой персонально.

После этого оба избранных хасэ исполнителя пу-скались в сторону обитания просителя (к примеру, в соседний Крым), ведомые и контролируемые военной группой в несколько сотен наездников, сопровождаемых, в свою очередь, руководящим капита-

ном. Насколько понимает такой целевой путь в выходящем в Мюнхене 50-х гг. XX в. (и запрещенном в СССР) гуманитарном журнале «Кавказ», часто цитируемый сегодня в кавказской науке, зарубежный историк А. Соисал, путь воспитателя и кормилицы к своему опекаемому был достаточно насыщенным. «Члены этой многочисленной миссии, одетые в живописные национальные костюмы, опоясанные и обвешанные блестящим оружием, на конях знаменитой кабардинской породы, прибывали на Кубань. Далее следовали на Тамань, где, погрузившись коннолюдно на корабль, пересекали Керченский пролив, шириной в семь километров, чтобы высадиться в районе Камыш-бурун или Иеди-кале и продолжать путь снова на конях в направлении Бахчисарая – столицы Крымского Ханства» [2: 39].

Родственники хана, а также правительственная элита, руководимые первым или вторым наследником трона, организовывали прямо перед столичными наружными воротами встречу делегации, прибывшей за новорожденным. Одновременно встречающий принц или кто-либо из ханских родственников здоровался с подошедшими делегатами, что происходило с применением требуемого для события (именно интересующего нас в работе) возвышенного слова, а также с обязательной признательностью по поводу произведенного тягостного пути. Сопровождавший миссионеров военный капитан в реактивном слове высказывал комплименты в связи с новорожденным увеличением ханского рода, констатировал, что соответствующая новость фактически оказалась поводом для предпринятого ими долгого пути.

Однако здесь в тактических целях требовалась словесно выверенная оговорка капитана о том, что сложности маршрутного пути остались вне поля зрения участников делегации. И это произошло вследствие сопровождавшего их в дороге огромного позитивного настроения. После этого говорящий формулировал прошение о разрешении младенцу перейти прямо в руки кормящей женщине и наставнику, которые были (как отмечалось нами ранее) назначены адыгскими старшинами и миновали пройденный путь в качестве членов делегации. Оратор в этом случае убеждал: эти достойные люди смогут опекать растущего тщательнее, чем собственных наследников. Они будут стремиться даровать взрослому достойный личностный уровень, соответствующий его фамильному социальному статусу. К тому же такое стремление подтверждалось в речи и тем, что подобная достойная миссия оказывает немалый почет не одному лишь наставнику, однако и всему общенациональному (черкесскому, в нашем случае, – Ф.Х.) авторитету.

Миновав стадию произнесения поздравительных приветствий, делегация проходила в стены ханского жилища, на столах которого ради нее происходило объемное застолье, иллюстрируемое всевозможными играми. По истечении нескольких суток, насыщенных сытным и увлекательным времяпровождением, делегаты от себя отправляли к хану на представление группу из семи участников. Как описывает итоговую процедуру пишущий об аталычестве А. Соисал, это происходило следующим образом: «Поблагодарив хана за гостеприимство, гости

заявляли о своем желании вернуться на родину и просили хана передать им ребенка. Хан брал лично ребенка из объятий матери и передавал его гостям, которые в свою очередь передавали его кормилице. По окончании этой церемонии, миссия, забрав ребенка, отправлялась в обратный путь на Кавказ, где кормилица, действительно, заботилась, и присматривала за ребенком, как за своим» [2: 39].

В пределах аталычского воспитательного процесса, часто присущего адыгской цивилизации, действия и предметы воспитывающей науки прослеживались во многих пространствах этнической реальности. К примеру, воспитательные инструменты в своей совокупности происходили и в позитиве (игры, свадьбы), и в негативе (похороны, поминки) действительности. Однако наиболее насыщен воспитательный инструментарий в деловом и в производственном действии, поскольку, как уверенно утверждается учеными уже не первый век, но и сегодня, «Педагогика труда – величайшая из педагогий» [3: 63]. Любого рода трудовое действие при этом было обусловлено материальными обстоятельствами бытия, однако, оказывая воздействие на многогранную человеческую реальность, выступало мощным стимулом в возможном материально-техническом прогрессе. Кроме того, наиболее существенным в ходе аталычества выглядело именно духовное слияние, выстраивавшееся между принимаемыми в описываемой нами процедуре участие адыгами и ханским семейством. Такого рода конструкция отнюдь не замыкалась на делегатах, но и постепенно начинала включать многие крымские и черкесские отдаленные места, что делало ее ощутимо значимой для стратегической реальности обоих государств. С момента описанного выше делегированного посещения имевшие отношение к становлению ребенка черкесские аталыки начинали относить себя к ханским соратникам, причем весьма ценили подобное доверие. Тенденция принятия под опеку ханских родственников в черкесскую семью выступила наиболее распространенной и уважаемой в семнадцатом веке. Социально значимая воспитательная роль при этом предвосхищала специфическую нишу, занимаемую этнической педагогической системой. Это место было активно на общем поле всевозможных, этнически выработанных, сведений о мире, а также – в ряду многих, преподнесенных предками, действующих деятельностей типов труда. Тем самым, заимствованная от старших, педагогическая система способна была в пределах этноса (в частности, черкесского) просачиваться и закрепляться фактически во всех, информационных и прикладных сферах национальной деятельности, что могло способствовать цельной гармонии этих сфер.

Обратимся далее от педагогической ветви к ветви литературной на древе словотворческой культуры. Это сможет помочь очертить и хотя бы упомянуть этно- (насыщенные и потенциальные) словотворческие тенденции, приближенные к сегодняшнему дню либо современные. Как происходит в культурах столетиями, в границах того или иного цивилизационного этапа словотворцы ощутимо разнятся друг с другом по личностному уровню. Ведь он (уровень)

включает такие персональные признаки, как творческая отнесенность, опыт бытия, убеждения и приоритеты, и другие. Однако подобный характерологический ряд сохраняется в границах определенного, проверенного временем, хроникального критерия. При этом имеются в художественном творчестве несовпадения, каковые выступают весьма ощутимыми, поскольку обусловлены несовпадениями хронологических этапов. Как доказывает в этом случае уже цитировавшийся выше советский теоретик литературы Л. Тимофеев, «Ахиллес и Андрей Болконский не похожи друг на друга не потому, что не похожи друг на друга Гомер и Л. Толстой, а потому, что различны те периоды истории человечества, с которыми они связаны» [4: 131]. В то же время, применительно к различным литературным течениям, хроникальный признак трактуется по-разному. Так, к примеру, в случае с романтизмом базовым, подвигающим к авторскому воспроизведению, выступает прошедшее время, провоцирующее героя на тягостные воспоминания и вызывающее болезненные переживания.

В аналогичном, анализирующем романтизм, рассуждении А. Компаньон, приводя в качестве примера пессимистичного романтизма прозу восемнадцатого века Руссо, в ее мрачном настроении просматривает то, что прогрессивные в пору революции плановые стремления нацелены на утопический корень. Этот вывод придает романтизму, выделенному здесь в определении А. Компаньона, сильно патриотический и несколько шовинистический тон. Возникнув в XX веке, строящаяся на словесном и абсолютно визуальном материале, неомифологизация, сосредоточив в своей сложной компоновке различные календарные художественные направления, оказалась заметным и ощутимым событием как на глобальном, так и на узконациональном уровне. Благодаря фольклорной подоплеке северокавказских (в том числе черкесских) литератур, которые относительно недавно (в прошлом веке) приобрели письменность, мифический образ оказался для этносов давно известен по устным и поэтическим текстам песен и сказок, составивших народные былины. Однако мифический образ утвердился в черкесской прозе (из-за запретной строгости к художественной литературе советских канонов) только с приходом в мир постмодернизма. Как известно, художественные тексты, даже стандартно похожие друг на друга как по достоверности изложения, так и по близости к реальности, в то же время могут иметь мало похожее эстетическое значение. Это проявилось в эмоциональной привлекательности лирики советского времени, немного заостренной на рядах, основанной на определенной идеологии советского режима и сильно увлекающей на страницах, скрещенных с фольклором, а затем – и с психологией личности. Такой мотивационный стимул дается создателю слова убеждением, которое он несет. Насколько глубже автор может погрузиться в реалии жизни, тем насыщеннее и многограннее окажутся нарисованные им постраничные рисунки и картины. По мнению А. Компаньона, философ И. Гете (имевший пристрастие к греческим землям, сумевший покрыть таким интересом, отменить характерную для него потребность познавать новое), мог постоянно тонуть в неизвестном. И, как заключает в

своих рассуждениях французский аналитик, ссылаясь на слова Шарля Огюстена де Сент-Бева, если бы Олимп не был выше всей линии гор, которые представлялись философу, гора смогла бы низвергнуть этого доверчивого человека, который так далеко продвинулся на Восток. Однако, насколько известно литературоведам, писатель способен зафиксировать в реальности любые художественные явления и предметы, даже если сам не вникает в них, не воспринимает их как объект в силу своего понимания идеального. Вот мы и смотрим: философско-идеологический тезис о том, что межэтнические культурные связи предопределены параллельным сопоставлением своих и чужих, также действует на планете. Более того, в действительных проявлениях желательно признать фактическое равенство таких параллелей. Вероятное несоответствие может исходить от таких художественных приоритетов, на которые словотворец опирается при создании собственных текстов. Тем не менее, в связи с тем, что аналитическая наука имеет целостное представление о механизме художественного воспроизведения действительности и его инструментах, на подобные авторские отличия можно смотреть с общей точки зрения. Точно так же А. Компаньон упоминает французского писателя XIX века Э. Ренана, который также обратился в своей публицистической прозе, параллельно с Гете, к некоему «греческому чуду» и уверенно придал ему статус того, что видели только раз, но запомнился навсегда. Влияние художественного мнения зарубежных представителей на прозаиков подчеркивал дореволюционный историк литературы А. Веселовский, который, продвигая и защищая теорию заимствования, своими произведениями заставил поверить в действительное взаимовлияние главным образом разные (и по форме, и по вере, и по корням, и по ветвям) культуры. Если принять во внимание такое частое и эффективное качество культурных механизмов, как экзотика, которую часто восхваляют классики и романтики, можно принести мало пользы. Но, тем не менее, преданность своей Родине и своему веку иногда могла выступать типичной чертой того или иного литературного направления. В любом случае, независимо от стиля изложения и жанровой привязки, концепция изображения, нарисованного как формы воспроизведения действительности, может быть очень тождественной. В качестве основного механизма, регулирующего работу словотворца во время производства, можно упомянуть историческую среду (о которой мы уже несколько раз упоминали выше), в зависимости от которой художественный продукт может варьироваться.

Более того, именно описанные выше аталыческие связи фактически привели к тому, что ханская знать, воспитанная и опекаемая в кавказской семье, получая приоритет власти, особенно ярко проявляла свое почтение к своим опекунам. Были даже эпизоды, когда несколько таких деятелей, уже вошедших в родной образ жизни, выбирали для своего последующего проживания новую родину и объявляли себя черкесами. Таковы, например, представители знаменитой фамилии Султан-Крым-Гирей, истребленные советской властью как иностранные представители, но

сыгравшие значительную (в т.ч. и общественно-политическую) национальную роль. Тем самым, налицо ощутимая сгибаемость (в значении, – мобильность),

но и прочная твердость как литературной, так и педагогической ветвей словотворческого древа, что заметно как на черкесских, так и на других этнических примерах.

Литература:

1. Хагуров, А.А. Культурология. – Москва-Краснодар: КубГАУ, 2014.
2. Soysal, A. On the education of Crimean princes in the Caucasus // Кавказ. – 1951. – № 2-3. – С. 38-40.
3. Волков, Г. Этнопедагогика. – М.: Академия, 1999.
4. Тимофеев, Л. Основы теории литературы. – М.: Образование, 1971.